

- Мерлин мой... Люциус...

Тот не услышал, как подошёл отец. Малфой-младший лежал на траве у пруда – был жаркий летний день, он только что искупался и теперь просто валялся в тени, вольно раскинувшись на траве, разбросав руки в стороны и наслаждаясь теплом и покоем этого прекрасного июльского дня.

И отца не услышал.

А если бы даже и услышал – всё равно бы ничего не изменилось, потому что то, что потом произошло, стало для Люциуса полным сюрпризом.

- Что это такое? – медленно спросил Абракас, наклоняясь и поднимая левую руку сына, на белом предплечье которого красовалась бледная сейчас картинка – обвившая и вылезающая из черепа змея. – Ты...

Он вдруг размахнулся и со всей силы ударил Люциуса по лицу. Пощёчина оказалась такой сильной, что у того зазвенело в голове, а в глазах заплескали искры – но в тысячу раз сильнее этого сотрясения и боли было изумление.

Отец никогда не поднимал на него руку. Вообще никогда. Это было так же немыслимо, как, к примеру, усадить с собою за стол домашнего эльфа.

Люциус так и остался лежать на земле, отстранённо подумав, что, кажется, отец его сейчас тут убьёт. Просто возьмёт свою палочку – и полыхнёт зеленью. Будет даже красиво... зелень в зелёной траве.

Никогда он не видел у отца такого лица. Он даже представить себе не мог, что оно вообще таким может быть.

- Ты, - задыхнувшись, сказал Абракас. – Ты...

Он отшвырнул его руку, развернулся и быстро, почти что бегом пошёл к дому. Чувствуя, что происходит что-то непоправимое, Люциус вскочил и побежал следом, даже не вспомнив, что сейчас на нём из одежды нет ничего.

- Па... отец, - назвать того сейчас «папой» не получилось. Догнать-то его он догнал, но...

- Убирайся. С глаз моих. Сейчас. Убирайся, - глухо проговорил тот, схватив сына за плечо с такой силой, что кожа вокруг его сомкнувшихся пальцев даже не покраснела, а побелела. – Завтра утром придёшь ко мне в кабинет. А до тех пор – не попадайся мне на глаза. Вон.

Он отшвырнул руку сына с такой силой, что тот не устоял на ногах и упал, сев на землю. Отец вновь размашисто зашагал к дому, а Люциус остался сидеть на траве, пытаясь восстановить дыхание и унять звон и пожар в голове. Самое страшное – он никак не мог понять, что же произошло, что он сделал такого, что привело отца в подобную ярость? Люциус растерянно перебирал в голове события последних дней и недель... да нет, не было там ничего особенного! Вообще всё было как обычно... что же случилось?

Он вспомнил, наконец, что раздет. Ему стало от этого неуютно – он встал и пошёл назад, к озеру. Оделся. Возвращаться домой было... страшно. В словах Абракаса не было прямой угрозы, конечно... но лучше бы, наверное, была.

Люциус подумал немного – и аппарировал на побережье.

Ему нужно было с кем-то поговорить – с кем, как не с Руди? Если он дома, конечно.

Тот был дома, и именно дома, а, к примеру, не в море, куда очень полюбил в последнее время выходить в лодке один или на пару с братом. И очень удивился, когда Люциус аппарировал прямо в главный зал – у него на глазах. Прежде Малфой никогда себе подобного хамства не позволял – поэтому Родольфус не рассердился, а очень встревожился.

- Что случилось? – спросил он, отходя от стола, на котором изучал какую-то карту.

- Да сам не знаю, - потерянно проговорил Люциус. - Вот думал, может быть, ты мне расскажешь...

- Я? – он даже не скрывал удивления. - А я имею к этому отношение?

- Я не знаю... наверное, нет... выпить есть что-нибудь?

- Что угодно... коньяк?

- Да нет, - неожиданно отказался Люциус. - Лучше что-нибудь... я не знаю. Спирта, что ли, - он нервно рассмеялся.

- Да что у тебя стряслось? – Руди уже всерьёз начал нервничать.

- Да не знаю я! – воскликнул тот – и пересказал Лестрейнджу всё только что с ним случившееся. – Вот что это было, а? Я клянусь тебе – я вообще ничего особенного в последнее время не делал!

- Н-да, странно... вот так просто на пустом месте? – задумчиво проговорил Родольфус.

- Да! Именно! Именно что на пустом!

- Да не мог он на пустом... раз ты не делал ничего – значит... говоришь, ты просто лежал на траве? Голый?

- Так я же не посреди дома голый лежал. В траве, у пруда, один... мы всегда там купаемся!..

- Да я не к тому, - задумчиво протянул он, - скажи, а он про метку-то знает?

- Не знаю... не помню. При чём тут?

- Может... узнал?

- И что? – Люциус даже не понял. – Ну узнал... он бы, я думаю, скорее обрадовался...

- Ты полагаешь?

- Конечно... это же честь. Отличительный знак. Руди, не идиотничай. Давай дальше думай.

- Это ты идиотничаешь, - почему-то рассердился Родольфус. – И вообще, я занят сейчас, извини.

- Занят? С ума сошёл?! – Люциус даже схватил его за руку, но тот резко и грубо вырвался.

- Да, занят. Я уже сказал тебе, что я думаю.

- Да при чём здесь вообще эта метка? – разозлился Малфой. – Какая вообще отцу разница?

- Люци, - вздохнул Родольфус. – Ты... ты иногда ведёшь себя просто как полный кретин. Извини. Сядь и подумай самостоятельно.

- Я не понимаю, - проговорил Малфой озадаченно. – Метка... почему?!

- Потому что ты идиот, - вздохнул Родольфус. – Правда, я тоже. И Белла. И Асти. И все мы – стадо придурков. Ты ещё разве не понял, что это?

- Что мы все идиоты? Нет, как-то не понял. Это же ты у нас тут...

- Замолчи.

Он умолк. Руди умел неожиданно приказать... так, словно имел на это какое-то право.

- Ты не понял, что это? – Родольфус поднял рукав и кивнул на свою метку.

- В каком смысле? Что-то вроде модифицированных Протеевых чар, полагаю... очень удобно. Ну и отличительный знак, конечно, - он не удержал гордой улыбки. – Он далеко не всем...

- Ты кретин.

Нет, Родольфус, конечно, никогда в выражениях не стеснялся – ещё с детства. Но это всё-таки перебор.

- Сам такой, - ругаться Люциус не хотел, но и стерпеть не мог.

- Такой, - тот согласно кивнул. – Но я хотя бы с самого начала понимал, что делаю. А вы – кретины. Протеевы чары, - передразнил он.

- Ладно... - когда Руди в таком настроении, указывать ему на недопустимость некоторых высказываний бесперспективно. Сам потом пожалеет. – И что же это, на твой взгляд, такое?

- А это тебе папа расскажет, - зло и непривычно для него ядовито ответил Родольфус. – Не буду лишать его хотя бы этого удовольствия. Если у тебя сейчас всё – мне надо работать.

- Ты тоже меня выгоняешь? – возмутился Малфой. Родольфус вдруг побелел, схватил его за руку, спросил перепугано:

- В каком смысле тоже? Он тебя... выгнал? Изгнал?!

- С ума сошёл?! – Люциус так удивился, что даже разозлиться не смог. – Какое изгнал?! С чего бы?!

Лестрейндж выдохнул и отпустил его.

- Я подумал... ничего. Извини.

- Слушай, - Родольфус вёл себя до того странно, что Люциус невольно начал нервничать. – Что происходит, а?

- Посмотри на метку. Внимательно. И подумай. Голова у тебя есть – не Уолли. Вот к тому у меня никаких претензий по поводу. Хотя его тоже жалко. Слушай... скажи мне одну вещь. У Нарциссы есть метка?

- Нет, конечно, - Люциус дёрнул плечом. – Вот ещё. Зачем ей?

- Хорошо, - Родольфус кивнул и даже улыбнулся.

- Он ей, между прочим, не предлагал.

- И отлично, - сказал Родольфус весело. – А ты думай, Люци, думай.

Он кивнул гостю и вернулся к столу и к своей карте.

А Люциус постоял-постоял – и пошёл на берег.

Думать.

Домой он вернулся к ночи и попросил Нарциссу пока ни о чём не расспрашивать – просто сказал, что сильно повздорил с отцом. Она поняла... она всегда понимала.

А утром Люциус пришёл к своему отцу.

Абраксас встретил его спокойно. Кивком указал на стул перед своим столом.

- Садись.

Люциус сел.

- Я хочу знать, когда ты это сделал.

- Что сделал? – задал Люциус, наконец, тот вопрос, на который со вчера так ответа и не нашёл.

- Когда ты сделал себя рабом.

Абраксас произнёс это совершенно спокойно, даже, пожалуй, буднично.

- Я не... это... это просто...

Это глупо... Какое рабство?!

- Это клеймо, Люциус, - спокойно и немного устало сказал Абраксас. – А ты – раб этого полукровки. Насколько я понимаю, до смерти одного из вас.

- Да нет! – возразил он, задирая рукав рубашки – сегодня жарко, и он без мантии, ведь дома же, не на людях. – Это просто...

- Замолчи.

Люциус умолк.

Отец выглядел... постаревшим. Кажется, со вчера он прибавил лет двадцать, если не больше.

- Это клеймо, мальчик. Давай говорить как есть.

- Это просто способ... - попытался вновь возразить Люциус.

- Клеймо.

Люциус мотает головой. Он не... он не мог вот так ошибиться!

- Ну, что ж теперь, - сказал, помолчав, Абраксас. - Скажи мне только - ты там один, или и жену за собой потащил?

- Нет, - почему-то шёпотом ответил отцу сын. - Нет, что ты...

- Ну вот сбереги хотя бы её, - кивнул Абраксас. - Собственно, это всё... можешь идти.

- Папа... - слово замерло у него на языке, и он поправился, - отец...

- К сожалению, - жёстко ответил тот. - Но этого уже не исправить. Всё, мы закончили этот разговор.

- Отец, я...

- Иди. Не хочу тебя сейчас видеть, - сказал Абраксас спокойно, словно бы сообщая о некой данности. - Постарайся больше не делать глупостей: я никуда тебя не выгоняю, этот дом - твой, мы не Блэки, наследник есть наследник. Даже раб, - его губы кривятся - то ли от презрения, то ли от боли. - Но лично я лично тебя какое-то время видеть не хочу. Уходи.

- Отец, - проговорил Люциус потерянно.

- К несчастью, - жестоко повторил тот. - Иди, Люциус. Тебе жить.

...Люциус сам не помнил, как вышел из кабинета и как оказался на крыше. Сияло солнце, и та была очень горячей - он сел, привалившись спиной к какому-то выступу, а потом лёг, свернувшись клубком и прикрывая лицо от палящего солнца своими длинными волосами - практически белыми, как и у всех Малфоев.

Что же он натворил...

«Насколько я понимаю, до смерти одного из вас», - звучит в голове.

Да нет... он не мог с ними так поступить - мелькает спасительная и жалкая мысль. Том Риддл - такой сильный и такой обаятельный... Отец же сам сто раз с удовольствием принимал его у себя! Он не попался бы так... только не он... не Люциус Малфой...

Он не заметил, как задремал, а потом и заснул - прямо на крыше, под сжигающим даже куда более тёмную кожу ярким июльским солнцем.

<http://tl.rulate.ru/book/63473/1659674>